

Однако на следующее утро, когда Му Цинмянь, взяв узелок, вышла за порог, она увидела Янь Лян. Та, тоже с раннего рассвета на ногах, с маленьким свёртком за плечами, стояла и смотрела на неё. И тут Му Цинмянь поняла: облегчение её было преждевременным.

...Что же это за девочка такая?

Янь Лян, встретив её растерянный взгляд, сохраняла обычное выражение покорности:

— Сестра Мян, ты же сказала, что нужно выходить пораньше? Вот я и готова.

Му Цинмянь: «...»

Му Цинмянь: «???»

Погоди... Неужели она вчера не ясно выразилась? Она уходит одна, а не собирается брать девочку с собой!

Мысли Му Цинмянь смешались. Она уже готова была поверить, что действительно сказала что-то не то.

Но Янь Лян будто не замечала её замешательства и снова ухватилась за рукав:

— Сестра Мян, я припасла провизии на два дня. А если по дороге попадётся дичь — я поймаю. Я хорошо готовлю на костре, ты попробуешь!

Однако на сей раз Му Цинмянь не так-то легко было сбить с толку.

В вопросах важных уловки Янь Лян не срабатывали.

Му Цинмянь не сдвинулась с места, слегка нахмурившись:

— Лян, ты действительно хочешь идти со мной?

«Хочу. Больше чем что-либо. И никогда с тобой не расстанусь», — мысленно отозвалось в сердце Янь Лян. Но говорить такое вслух было нельзя. Она лишь улыбнулась, продолжая играть роль послушной младшей сестры:

— Конечно! Ты же говорила, что идёшь на юго-запад? Мой путь лежит туда же.

Это была правда. Янь Лян и сама удивилась такому совпадению: направление, в котором она искала Дуаньму Уцзи, в точности совпадало с маршрутом Му Цинмянь.

Она не боялась нынешней разлуки — знала, что рано или поздно они встретятся вновь, и навсегда. Но скрывать свою истинную суть от Му Цинмянь было тягостно. Пока что изменить это она не могла, а значит — оставалось плыть по течению.

И раз уж пути их сошлись, Янь Лян не упустила бы шанса провести рядом с сестрой Мян ещё немного времени. А там, на юго-западе, когда найдётся Дуаньму Уцзи, будет видно.

Янь Лян устремила на Му Цинмянь взгляд, полный мольбы, — взгляд покинутого зверька:

— Сестра Мян, возьми меня с собой, ну пожалуйста? Хотя бы на месяц-другой... Я не буду тебе мешать!

Му Цинмянь: «...»

Хотя этот взгляд она видела уже не раз, сердце её по-прежнему сжималось. Она отвела глаза, помолчала и наконец кивнула.

Всё равно её не оставляло чувство: даже если она откажет, девочка найдёт сотню способов последовать за ней. Так уж лучше согласиться сразу.

И, как показало время, предчувствие её не обмануло.

За последующие два месяца Му Цинмянь воочию наблюдала, как тихая, скромная и немногословная девочка постепенно превращалась в ласковую, говорливую недотрогу, что вечно крутилась рядом.

...Неужели раньше она просто стеснялась? И этот образ — вечно жмушкая к ней, то и дело зовущая «сестрой Мянью» — и есть настоящая Янь Лян?

Му Цинмянь не знала ответа. Она лишь понимала, что постепенно привыкает. Привыкает к тому, как Янь Лян, с безошибочным чутьём, шаг за шагом сокращала дистанцию между ними.

Она привыкла просыпаться под запах завтрака, который девочка уже готовила.

Привыкла к тому, что в пути её сопровождал безостановочный щебет, словно рядом порхала юркая синичка.

Привыкла к тому, что на каждой новой стоянке Янь Лян первой узнавала все местные новости и находила им кров.

Привыкла к тому, что во время лечения больных рядом оказывалась маленькая помощница, которая без единого слова подавала нужный инструмент, а иногда и сама брала на себя часть работы — ловко, без суеты.

Привыкла к тому, что их пищу добывала ловкая охотница: то рыбу из реки выудит, то зайца подстрелит, то дикие ягоды найдёт — и всё это превратит в яства, что пришлось по вкусу Му Цинмянь как никогда.

Привыкла к тому, что, собирая травы для продажи, она могла положиться на зоркие глаза и цепкую память девочки, которая к тому же то и дело предостерегала: «Сестра Мянью, здесь оступиться можно!»

Привыкла к тому, что в неловких ситуациях, когда требовалось договориться с незнакомцами, но слова не шли, Янь Лян мягко, но уверенно вступала в разговор, излагая всё как надо.

Привыкла к тому, что каждую ночь, перед сном, к её груди прижималась тёплая, уютная грёзка, и лишь убаюканная этим теплом, девочка засыпала рядышком, тихо и покорно.

Му Цинмянь ловила себя на мысли, что незаметно привыкла к этой маленькой тени, что теперь всегда была рядом.

Два месяца миновали. Они добрались до большого, шумного города на юго-западе и решили задержаться.

Здесь места уже сильно отличались от центральных провинций — и пейзажами, и нравами. Сидя в придорожной таверне, Му Цинмянь слушала говор вокруг и с удивлением понимала,

что почти ничего не разбирает.

Тут-то Янь Лян и пришла на помощь, пересказывая ей обрывки разговоров, которые могли быть интересны.

Это был первый раз, когда Янь Лян видела сестру Мянью беспомощной перед чужим наречием.

В прошлой жизни они встретились, когда Му Цинмянь уже исколесила пол-империи и изучила десятки диалектов. Сама же Янь Лян, выросшая за дворцовыми стенами, знала лишь официальный язык. Лишь годы спустя, когда Демоница в кровавых одеждах стала бродить по свету, она понемногу освоила местные говоры.

Но видеть сестру Мянью такой — растерянной, чуть уязвимой — было и умилительно, и забавно.

Это была та часть жизни Му Цинмянь, которой Янь Лян не ведала в прошлом.

Это была её сестра Мянью — ещё юная, ещё не закалённая странствиями.

Одна эта мысль согревала душу невыразимой нежностью.

Му Цинмянь слушала пересказ Янь Лян очень внимательно. Она уже заметила: девочка, казалось, разбиралась во всём на свете. На всём пути не было места, где бы та не смогла объясниться с местными. Юная, но не по годам мудрая, она словно впитывала обычаи каждой новой земли.

И дело не только в медицине. Му Цинмянь уже поняла — боевым искусствам Янь Лян обучена не хуже, если не лучше.

Что ж, это объяснимо. Чтобы выжить одной в столь нежном возрасте, нужны были серьёзные умения.

Самой же Му Цинмянь двигало нечто иное. Она странствовала без чёткой цели, желая повидать свет, собрать редкие травы и помогать страждущим, где только могла. Так она оттачивала мастерство — и сеяла семена своей славы.

Император Цяньин уже много лет одержим поиском эликсиров и, вероятно, жаждет собрать при дворе всех искусных врачей и алхимиков. Чем громче будет её имя, тем скорее найдётся тот, кто, желая угодить государю, приведёт её в столицу — туда, где ждёт Седьмая принцесса.

Происхождение Му Цинмянь было простым: дочь деревенского лекаря, с детства вобравшая в себя знания отца. Потом случилась беда — родители погибли, а она, совсем одна, чуть не замёрзла насмерть в снегах. Но судьба смилостивилась: её подобрала Драгоценная наложница Чжу, гостившая в тех краях.

<http://bllate.org/book/16273/1465002>